УДК 903.5

В.Д. Кубарев
Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: vd@online.nsk.su

"САВРОМАТЫ" НА АЛТАЕ

Введение

Археологический микрорайон в среднем течении р. Урсула (Центральный Алтай) всегда привлекал внимание российских археологов. Здесь в свое время работали такие известные ученые, как В.В. Радлов, С.И. Руденко, М.П. Грязнов, С.В. Киселев, А.П. Окладников, А.И. Мартынов, и многие другие исследователи. Их открытия и научные труды получили всемирное признание, а уникальные древности, добытые при исследовании курганов с вечной мерзлотой, хранятся и экспонируются в самых лучших музеях России. И в наше время интерес ученых к археологическим памятникам долины р. Урсула не ослабевает. Именно здесь открыто и изучено несколько древних стойбищ и мастерская человека каменного века. Настоящей сенсацией стало открытие редких для Алтая энеолитических погребений в каменных ящиках-саркофагах, стенки которых были украшены полихромными росписями. В бассейне Урсула и по его многочисленным притокам до сегодняшнего дня продолжается изучение неизвестных ранее рунических надписей, наскальных изображений, курганов и каменных изваяний разных эпох.

Важной и актуальной проблемой, решение которой во многом зависит и от публикации новых археологических материалов, является проблема миграции древних кочевников из Южного Приуралья на Алтай. Возможно, это были небольшие группы савроматов или сарматов, проникших в Обь-Иртышское степное и лесостепное междуречье в V – IV вв. до н.э. По мнению В.А. Могильникова, савромато-сарматская экспансия была недолговременной, охватив только "северную часть Кулунды до района Камня-на-Оби" [1999, с. 137]. Оно обосновано появлением в указанном регионе так называемых диагональных и отчасти подбойных захоронений, не свойственных "культурам лесостепи Западной Сибири и степей Казахстана. Их нет на Саяно-Алтае и в районе к востоку от Оби" [Могильников, 1993, с. 193]. Такое заключение, как оказалось, было преждевременным. Два кургана, раскопанные в центральной части Алтая, по всем параметрам могут быть отнесены к "диагональным" погребениям, впервые открытым на территории Республики Алтай.

Описание курганов

В 1985 – 1986 гг. Восточно-Алтайским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИАЭт СО РАН на Алтае проводились раскопки большой курганной группы [Кубарев, 1987, с. 250 – 251], расположенной в устье р. Куроты (левый приток Урсула) у подножия горной гряды (рис. 1). Комплекс насчитывал около 50 разнообразных по конструкции каменных погребально-поминальных сооружений. В настоящее время археологические памятники с востока и запада окружены распаханными полями, а с юга ограничены полотном Чуйского тракта (628 км от г. Новосибирска) – главной транспортной магистрали, соединяющей Россию с Монголией (рис. 2). Это небольшое по площади урочище местные жители называют Балык-Соок. Ранее здесь уже были раскопаны курганы и древнетюркские ритуальные сооружения [Суразаков, 1990, с. 68] с одним каменным изваянием [Кубарев, Кочеев, 1988, табл. VII, *13*]. Ряд погребальных памятников афанасьевской культуры, расположенных на левом берегу р. Куроты, исследовался С.В. Киселевым [1951, с. 530].

Основная часть курганов сосредоточена в двух крупных могильниках, названных нами Балык-Соок I (14 объектов) и Балык-Соок II (34 объекта). В тече-

© В.Д. Кубарев, 2002

Рис. 1. Вид с севера на курганный могильник Балык-Соок.

ние двух полевых сезонов в них раскопано 15 курганов (см. рис. 2), относящихся к разным историческим периодам: от раннего железного века до средневековья. Но исключительный интерес представляют упомянутые нетипичные для Алтая "диагональные" погребения, обнаруженные в курганах 21 и 27. Поэтому уместным представляется подробное описание исследованных памятников и анализ новых материалов, полученных в ходе раскопок.

Курган 21. Округлая в плане насыпь диаметром 15 м обозначена на дневной поверхности обширной задернованной западиной диаметром 8 – 10 м. Остатки каменной наброски из мелкого галечника и рваного камня прослеживались только в полах насыпи и представляли собой кольцевидный вал (рис. 3). После снятия насыпи (высота над дневной поверхностью не более 25 – 30 см) прямо в центре расчищено пятно округлой в плане могильной ямы диаметром 5 м (рис. 4). Заполнение ямы в верхней части – чистый гумус без всяких включений. На глубине 120 – 140 см по центру ямы появились отдельные крупные камни, которые встречались почти до самого дна могилы. По мере выборки грунта все более четкими становились границы древнего грабительского лаза (диаметр 1,5 – 2 м), отмеченного черным гумусом и камнями на фоне желтой глины основного заполнения ямы. В нем часто встречались кости различных животных и древесные угли.

На глубине 385 см в южной части ямы расчищен небольшой скелет собаки, ориентированный черепом на юг (рис. 5). У северной стенки на глубине 495 см обнаружен череп женщины*, на том же уровне по всей площади могильной ямы располагались позвонки и ребра. Почти по центру найден раздавленный керамический сосуд, фрагменты которого находились на значительном расстоянии друг от друга (см. рис. 4, *1*) и на разных уровнях (глубина 530 – 600 см). Сосуд реставрирован (рис. 6). На северной границе грабительского лаза, прямо на дне ямы (глубина 650 см) обнаружены обломанная железная шпилька, обернутая листовым золотом (см. рис. 4, *2*), и небольшая круглая бляшка из толстого листового золота с двумя отверстиями (см. рис. 4, *3*). Ближе к северо-западной стенке (в 120 см от нее) также на дне ямы найдены четыре мелкие бусинки из стекла (см. рис. 4, *4*) и фрагменты железа (см. рис. 4, *5*).

Сруб, а точнее, его следы обнаружены на глубине 600 см. Судя по редким остаткам дерева и характерным пустотам – отпечаткам сгнивших жердей в могильном грунте, сруб в три-четыре венца, сооруженный в обло из тонких жердей (диаметр 5 – 7 см), имел размеры 380 × 400 × 50 см. Пол был выстлан очень тонкими (толщина 1,5 – 2 см) досками, от которых сохранился только тлен черного цвета, однако по направлению древесных волокон удалось установить их ориентацию с севера на юг, т.е. по диагонали сруба (см. рис. 4). Под полом, на дне ямы, в выровненном и искусственно уплотненном слое глины (толщина 2 – 4 см) прослежены остатки истлевших жердей (диаметр 5 – 7 см), расположенных под острым углом друг к другу. На них и были настланы доски пола. Глубина ямы составляла 650 см.

Курган 27. Насыпь едва просматривалась на дневной поверхности. Она сложена мелким обломочным камнем, принесенным от подножия гор, расположенных к северу от могильника. Чашевидная задернованная западина в центре кургана придает насыпи вид задернованного каменного кольца диаметром 14 – 15 м (рис. 7). После освобождения от дерна насыпи кургана она представляла собой своеобразную ограду, толщина которой не превышала 1 м, а высота первоначально была до 0,5 м и более. Ограда сложена из камня и приподнята на гравийной подсыпке. В могильном заполнении, неоднородном по составу (гумус, крупные и мелкие камни), встречались кости животных (баран, лошадь и др.)** и древесные угли.

---

* Определения выполнены антропологом Т.А. Чикишевой.

** Определения выполнены палеонтологом Н.Д. Оводовым.

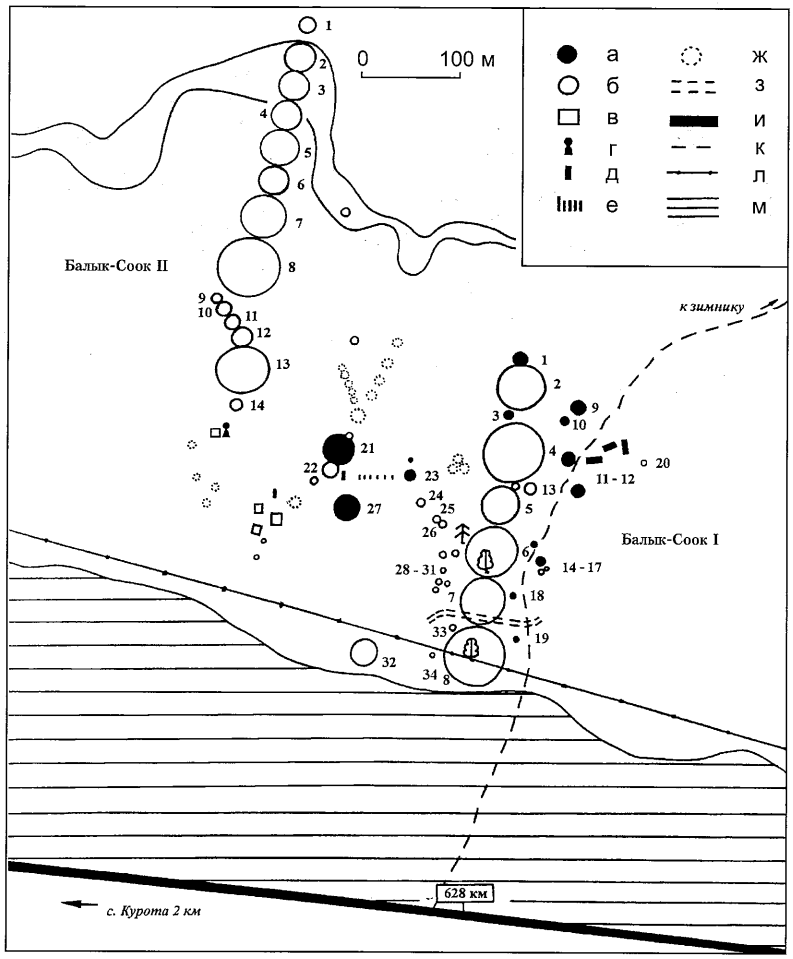

Рис. 2. План расположения археологических памятников в урочище Балык-Соок.

а – раскопанные курганы, *б* – неисследованные объекты, *в* – древнетюркские оградки, *г* – каменное изваяние, *д* – каменные стелы, *е* – балбалы, *ж* – поминальные сооружения, *з* – остатки древнего оросительного канала, *и* – Чуйский тракт, *к* – полевая дорога к зимнику, *л* – телефонная линия, *м* – вспаханное поле.

При выборке грунта ямы в верхней части она, следуя округлой форме могильной западины, постепенно сузилась книзу. Так, если на древней поверхности ее размеры составляли 520 × 400 см, то на глубине 120 см – уже 350 × 280 см. Изменялись при этом и очертания ямы, трансформируясь в прямоугольную в плане форму (рис. 8). Яма ориентирована длинной осью по линии восток – запад. На глубине 215 – 250 см несколькими особенно крупными глыбами закончилось каменное заполнение с гумусом. Под ним яма оказалась заполнена глиной с включением мелкого щебня. На глубине 340 – 360 см отмечены фрагменты деревянных плах, возможно первоначально перекрывавших могилу в продольном направлении.

На глубине 410 – 415 см в юго-западном углу ямы обнаружена часть костяка человека (несколько позвонков и ребра в анатомическом порядке). Отпечатавшиеся в глиняных стенках ямы следы в виде округлых в разрезе пустот от истлевших жердей дают почти полное представление о погребальном сооружении прямоугольной формы размерами 350 × 380 × × 120 см. Очевидно, это был сруб в семь-восемь венцов, сооруженный в обло, установленный вплотную к стенкам ямы и ориентированный сторонами по странам света. Покрытие из лиственничных плах, уложенных по диагонали, было прослежено только по древесному тлену. Также плохо сохранился и пол сруба (глубина 450 см) из очень тонких досок, по следам которых удалось установить их диагональное расположение по отношению к яме и срубу (см. рис. 8). На дно ямы, под настил (пол), были подложены несколько (пять-шесть) обрубков жердей толщиной 3 – 4 см.

Во внутренней части сруба на разных уровнях (430 – 460 см) расчищены разрозненные костяки двух погребенных. Их первоначальное положение и ориентацию установить не удалось. Несомненным представляется, что in situ сохранились только раздавленный керамический сосуд (см. рис. 8, *1*; 9) у северной стенки сруба и хвостовые позвонки барана с железным ножом (см. рис. 8, *2*; 10) в центральной части ямы. Рядом с ними найден также крестец лошади и обломок второго железного ножа (см. рис. 8, *2*).

В срубе были погребены мужчина и женщина. Верхняя часть потревоженного костяка мужчины (сохранившаяся в анатомическом порядке) располагалась ближе к юго-восточному углу сруба. Справа от него найдены три бронзовых наконечника стрел, лежавших кучкой (см. рис. 8, *3*; 11). Серебряная поясная бляха-обойма (рис. 12) обнаружена отдельно у восточной стенки сруба (см. рис. 8, *4*).

Захоронение женщины, также значительно разрушенное, располагалось в западной половине ямы. Возможно, погребенная была ориентирована головой на северо-запад. Под черепом найдены бронзовое зеркало (см. рис. 8, *5*) с гравировкой на оборотной стороне (рис. 13), золотая серьга с подвеской в виде наконечника стрелы, золотая подвеска в виде полой фигурки хищника семейства кошачьих (рис. 8, *6*, *7*; 14). Слева от черепа обнаружены два роговых наконечника стрел (см. рис. 8, *8*; 11), справа – золотая обкладка деревянной фигурной бляхи (см. рис. 8, *9*; 15). Еще один роговой наконечник пулевидной формы располагался среди костей человека у южной стенки сруба

Рис. 3. Вид с северо-запада на насыпь кургана 21 могильника Балык-Соок I.

Рис. 5. Расчищенный костяк собаки в заполнении ямы кургана 21 могильника Балык-Соок I.

Рис. 4. План погребения в кургане 21 могильника Балык-Соок I.
1 – фрагменты керамического сосуда, 2 – железная шпилька, крытая листовым золотом, 3 – золотая бляшка с отверстиями посредине, 4 – стеклянный бисер, 5 – фрагменты железа, 6 – контуры грабительского лаза.

(см. рис. 8, *11*; 11). Здесь же находилась золотая обкладка наконечника гривны (см. рис. 8, *10*; 16), обрывки тонких и бесформенных золотых листков и находки из железа: колчанный крюк и несколько обойм (см. рис. 8, *12*).

Погребальный обряд и анализ предметного комплекса

Ритуал погребения, прослеженный по материалам двух курганов Балык-Соока, резко отличается от традиционной погребальной практики пазырыкского населения Алтая в скифское время. По всем данным (кольцевидные каменные насыпи, большие прямоугольные в плане ямы глубиной более 6 м, использование огня в обряде, расположение погребенных по диагонали сруба, их ориентация головой на север и северо-запад, обильная тризна, специфичный набор погребальных предметов и другие, менее значимые признаки) исследованные курганы относятся к так называемым диагональным погребениям. Так принято называть в археологической литературе захоронения с необычным положением умерших людей: по диагонали могилы. "Диагональность погребений – общий, один из наиболее характерных признаков всех сарматов" [Смирнов, 1984, с. 122]. По-видимому, в данной работе нет необходимости излагать все гипотезы о происхождении и этнической принадлежности диагональных погребений. Они достаточно подробно освещены в археологической литературе [Смирнов, 1964, с. 93 – 94; 1984, с. 9 – 18, 122 – 123; Максимов, 1966, с. 98 – 115; Мошкова, 1972, с. 70 – 71; Шилов, 1975, с. 135; Могильников, 1993, с. 189 – 193; 1997, с. 104; и др.]. Многие из предложенных гипотез носили дискуссионный характер и были проанализированы в критической статье И.П. Засецкой, пришедшей к выводу о широком ареале погребений с диагональным положением костяков. По ее мнению, этот довольно странный обычай существовал у разных племен и народов, отражая какие-то социальные явления или даже религиозные представления древних обществ [Засецкая, 1974, с. 121].

Рассмотрим некоторые, наиболее характерные черты погребального обряда, происходившего у курганов Балык-Соока, и проведем сравнительно-типологический анализ предметного комплекса, представленного в захоронениях. Конструкции погребальных сооружений двух курганов очень близки между собой как по размерам насыпей, так и по большой глубине ям. Примечательно и то, что в каждом из курганов было по одной центральной могиле (пазырыкская традиция), однако сопроводительные захоронения коней отсутствовали. Вместе с тем кости лошади найдены не только в срубе (напутственная пища), но и в заполнении ям (поминальная тризна). Подобная

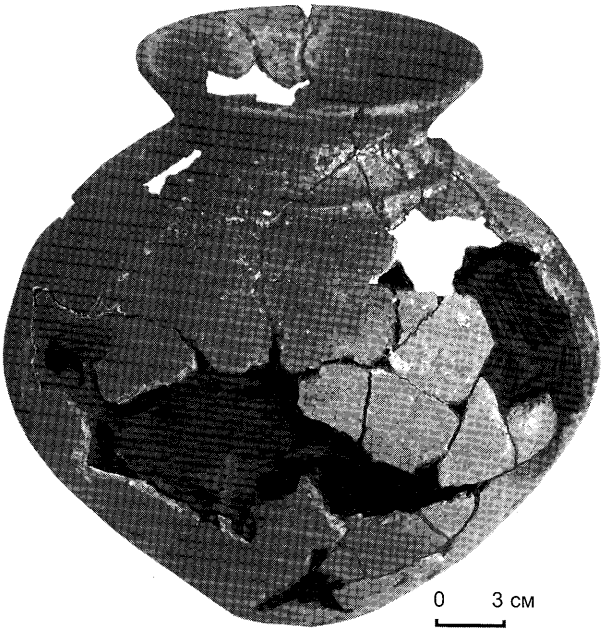

Рис. 6. Реставрированный керамический сосуд из кургана 21 могильника Балык-Соок I.

черта ритуала неизвестна носителям пазырыкской культуры Алтая. Общим элементом обряда ираноязычных кочевников Алтая и сопредельных территорий можно назвать применение "очистительного" огня, следы которого в виде отдельных древесных угольков найдены и в курганах Балык-Соока. Продольное деревянное перекрытие ямы, зафиксированное в кургане 27, типично для отдельных курганов пазырыкской культуры Алтая, а также кочевников алтайских предгорий. Погребальные срубы Балык-Соока, сооруженные из тонких жердей, близки по размерам и прямоугольной форме срубам носителей пазырыкской культуры. Нужно отметить и присущий пазырыкцам обычай помещать в могилы рядом с головой умершего человека по одному керамическому сосуду, деревянному блюду, железному ножу и курдючную часть овцы. Это правило соблюдено и в курганах Балык-Соока. Предполагаемая ориентация погребенных в Балык-Сооке, головой на север и северо-запад, нетипична не только для пазырыкцев (преобладает восточная ориентация), но и для их западных соседей – саков и усуней (западная ориентация).

Отмеченное сходство отдельных черт погребального обряда в Балык-Сооке с пазырыкским было обусловлено непосредственными контактами мигрантов с носителями пазырыкской культуры Алтая.

Захоронение собаки (см. рис. 5) в яме кургана 21, размещенное в 1 м над погребением женщины, очевидно, было завершающим в цикле действий, связанных с погребальным обрядом. Хорошая сохранность скелета обусловлена тем, что грабительский лаз не затронул захоронение собаки. Древнейшие погре-

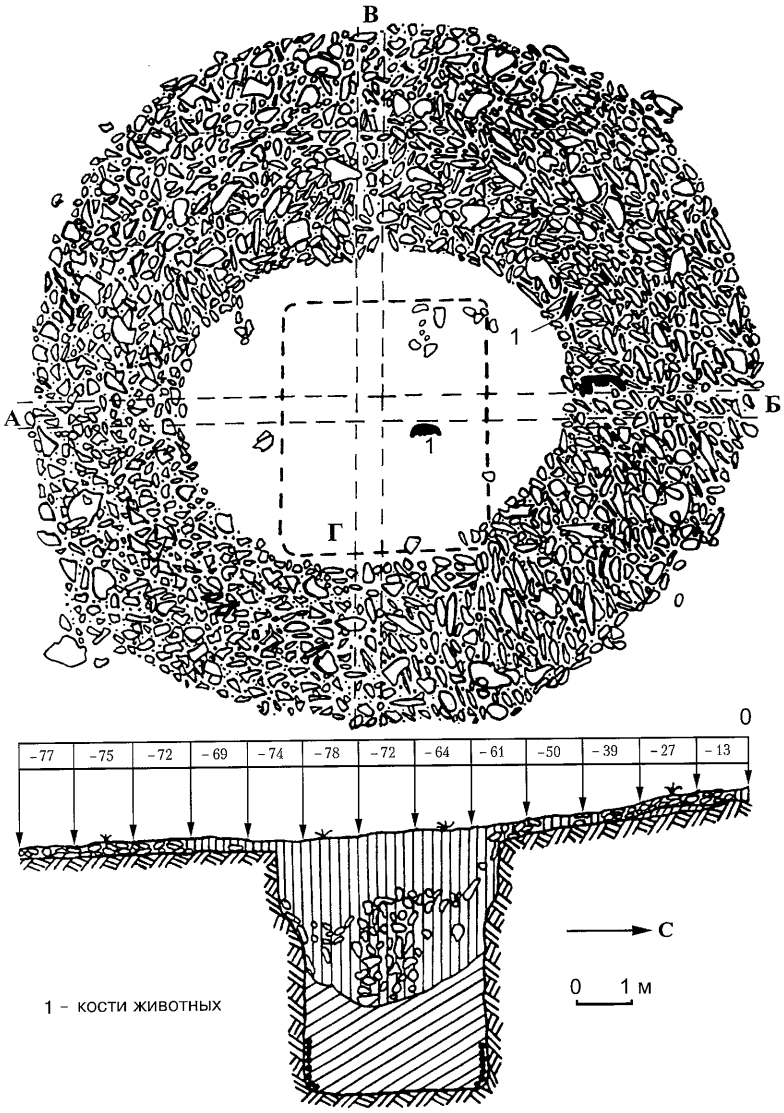

Рис. 7. План кургана 27 могильника Балык-Соок I и разрез насыпи по линии А – Б.

бения собак чрезвычайно редки на Алтае. Так, в исследованных нами курганах (более 150 погребальных комплексов) ранних кочевников Восточного Алтая только один раз в могильной яме обнаружено захоронение собаки "монгольской породы" [Кубарев, 1991, с. 166 – 167]. Единичны и случаи нахождения скелетов собак в погребальных памятниках культур скифо-сибирской общности на сопредельных территориях [Абетеков, 1978, с. 59 – 65; Кузнецов, 1998, с. 299 – 307; Кузнецов, Худяков, 1998, с. 308 – 315; и др.]. Известны и также малочисленны захоронения собак в одной могиле с человеком у раннесарматских кочевых племен Нижнего Поволжья [Шилов, 1975, с. 115]. Тем не менее значение и роль собаки в традиционном хозяйственно-культурном комплексе древних охотников и скотоводов общеизвестна. К примеру, в палеозоологических материалах сюнну (хуннов) с Иволгинского городища собаки преобладают над другими домашними животными. Они представлены тремя видами: "лайкой, крупной волкоподобной собакой и догом" [Давыдова, 1995, с. 47]. В Сибири самые ранние захоронения собаки относятся к мезолитической и энеолитической эпохам [Косарев, 1988, с. 98 – 102; Новиков, 2001, с. 72 – 83]. Костяки умерщвленных собак обнаружены и в андроновских погребальных сооружениях [Михайлов, 1992, с. 110 – 116]. Наскальные рисунки Монголии и Алтая свидетельствуют, что уже во II – I тыс. до н.э. с собаками охотились на крупных копытных животных. Охота проводилась "по следу" с одной специально обученной собакой (как правило, она изображена привязанной за поводок к поясу человека) или даже с целой сворой (до 30 собак), загоняющей зверя на охотника [Кубарев, 2001, рис. 1]. "Участие" собаки в мифо-ритуальной практике или в качестве жертвы в различных обрядах жизненного цикла древнего населения алтайских гор только предполагается [Кубарев, Черемисин, 1987, с. 112 – 113]. Требуются новые археологические данные о месте и значении образа собаки в мировоззрении древних кочевников Алтая.

Диагностирующей и нередко определяющей время сооружения кургана является керамическая посуда. Но два реставрированных сосуда из Балык-Соока отличаются от традиционных форм керамики населения Алтая в скифское время.

Керамический сосуд в виде кувшина с биконическим туловом и коротким отогнутым венчиком (см. рис. 6) относится к числу редких находок, не имеющих аналогов среди керамической посуды из погребений пазырыкской культуры Алтая. С одной стороны, он близок по форме лощеным сосудам савроматов [Смирнов, 1964, с. 352, рис. 60, *1*, *2*], с другой – напоминает отдельные сосуды, обнаруженные в хуннских обжигательных печах на р. Юстыде [Кубарев, Журавлева, 1986, с. 112, рис. 5, *2*]. Поэтому более точное датирование керамического сосуда из кургана 21 затруднено.

Керамический сосуд в виде бочонка с невысокой горловиной (см. рис. 9) имеет размеры 36 × 32 см. В археологических памятниках горного Алтая сосуд

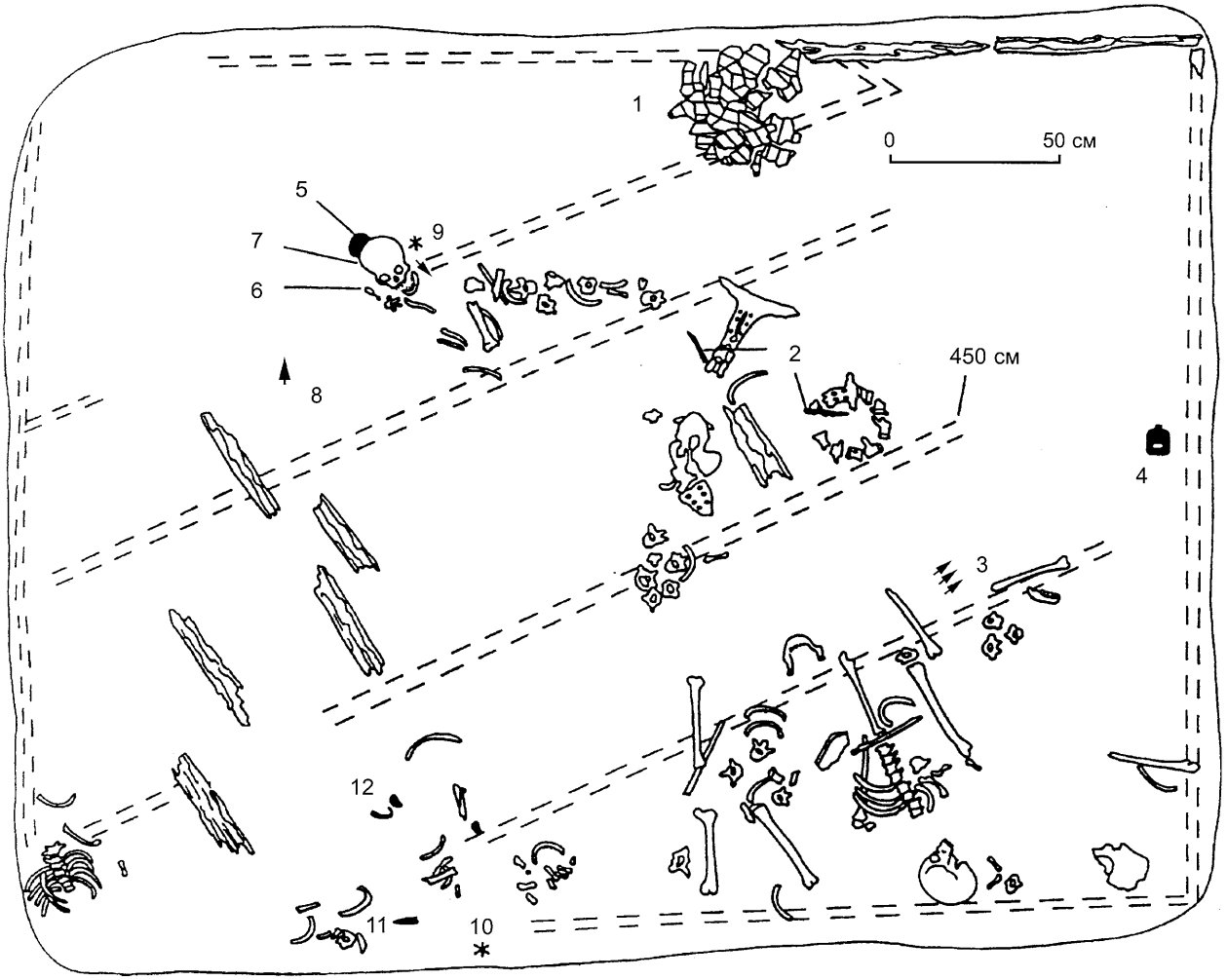

Рис. 8. План погребения кургана 27 могильника Балык-Соок I.
1 – фрагменты керамического сосуда, *2* – железные ножи, 3 – бронзовые наконечники стрел, 4 – серебряная поясная обойма, 5 – бронзовое зеркало, 6 – золотая серьга, 7 – подвеска в виде барса (?), 8 – роговые наконечники стрел, 9 – золотая обкладка фигурной бляхи, 10 – золотая обкладка наконечника гривны в виде фигуры барса, 11 – роговой наконечник стрелы, 12 – колчанный крюк, обоймы ремня.

такой формы найден впервые. Самые близкие аналоги – керамические бочонки в материалах каменской культуры скифского времени (IV – II вв. до н.э.) из лесостепных районов Верхнего Приобья [Могильников, Уманский 1992, с. 200, рис. 2, *11*; Уманский, 1993, с. 87, рис. 2, *4*; Фролов, Шамшин, 1999, рис. 2, *11*]. По версии А.П. Уманского, глиняные бочонки напоминают таштыкские керамические сосуды подобного типа и бочонковидные фляги джетыасарской культуры Средней Азии [1987, с. 36 – 37, рис. 1, *1*]. Миниатюрные бочонковидные сосуды несколько иной формы представлены также в погребальных памятниках кулайской и большереченской культур (III – II вв. до н.э.) Новосибирского Приобья [Троицкая, 1979, табл. XXI, *16*; Троицкая, Бородовский, 1994, табл. XXXIX, *18*]. Исследователи также полагают, что этот, достаточно редкий тип сосудов заимствован из южных и юго-восточных районов Сибири, где они найдены в большом числе в погребениях раннеташтыкской эпохи Хакасии и гунно-сарматских курганов Тувы [Кызласов, 1960, табл. 4, *72*; Вадецкая, 1999, рис. 22, *15*, табл. 51; Вайнштейн, 1970, рис. 80, *9*; 82, *2*; Дьяконова, 1970, табл. VII, *16*, *17*, *19*, *26*]. В.А. Могильников подверг сомнению такую связь, поскольку тувинские и минусинские бочонковидные сосуды датируются более поздним временем (II в. до н.э. – II в. н.э.), чем керамические сосуды подобной формы из Верхнего Приобья [1997, с. 34 – 35]. К тому же хакасские и тувинские сосуды выполнены в основном из дерева. Они имеют в средней части отверстия с трубчатой пробкой, а по бокам утолщения в виде двух ободков. Последняя деталь интерпретируется некоторыми археологами как имитация толстых швов, а сами бочонки – как модель кожаных бурдюков, по-

Рис. 9. Реставрированный керамический сосуд в виде бочонка. Курган 27, могильник Балык-Соок I.

Рис. 10. Железные предметы из кургана 27 могильника Балык-Соок I.

Рис. 11. Бронзовые и роговые наконечники стрел из кургана 27 могильника Балык-Соок I.

Рис. 12. Серебряная поясная обойма для ремня из кургана 27 могильника Балык-Соок I.

добных ташаурам современных алтайцев (см.: [Уманский, 1987, с. 37; Могильников, 1997, с. 35]). На наш взгляд, такие утолщенные ободки были функционально оправданны и необходимы для более удобного слива из бочонка жидкости (вода, кумыс, молочная водка и др.). Они, несомненно, присутствовали и на настоящих, большего объема, бочонках, использовавшихся древними кочевниками в быту. Об этом свидетельствует сохранение ободков в конструкции деревянных бочонков, традиционных для хакасов и тувинцев [Вайнштейн, 1991, рис. 60, *2*, *4*]. Анализируя параллели, можно прийти к выводу, что керамический бочонок из погребения в Балык-Сооке ближе всего (по форме и размерам) аналогичным сосудам каменской культуры, что собственно подтверждают и другие находки.

Железные предметы и их обломки были обнаружены в погребениях обоих курганов. Они сильно коррозированы и маловыразительны в плане уточнения культурной принадлежности и даты сооружения курганов. Это обломок позолоченной женской шпильки с шаровидным навершием в кургане 21, ножи, колчанный крюк и обоймы на портупейный (?) ремень в кургане 27 (см. рис. 10). Подобная категория предметов встречается во многих археологических памятниках Алтая, Тувы и в материалах предгорных культур Верхнего Приобья [Руденко, 1953, табл. XXIX, *7*; LXXIX, *1*, *2*; Кубарев, 1987, рис. 19, 25, 37; 1991,

Рис. 13. Бронзовое зеркало с гравированным стилизованным изображением птицы на оборотной стороне. Один глаз птицы инкрустирован золотой заклепкой. Курган 27, могильник Балык-Соок I.

Рис. 14. Золотая серьга с покрытой зернью шаровидной подвеской и прикрепленной к ней подвеской в виде наконечника стрелы (слева); золотая подвеска от второй серьги в виде полой фигурки хищника семейства кошачьих (справа). Курган 27, могильник Балык-Соок I.

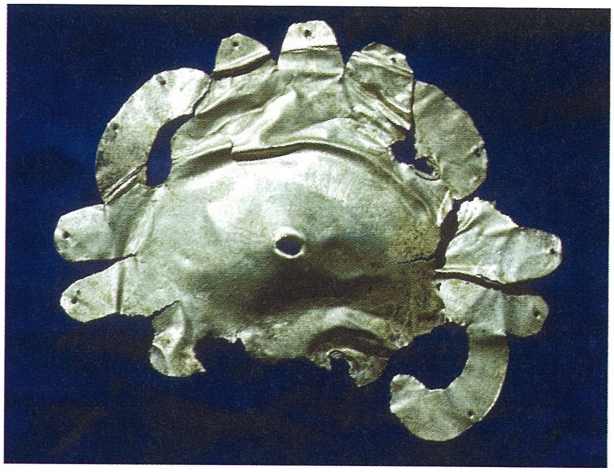

Рис. 15. Золотая обкладка фигурной бляхи на колчан. Курган 27, могильник Балык-Соок I.

Рис. 16. Золотая обкладка наконечника гривны в виде фигуры снежного барса. Курган 27, могильник Балык-Соок I.

с. 111 – 112, рис. 15; 1992, рис. 26, *5* – *7*; Грач, 1980, с. 34, 36, рис. 109, *3*, *4*; 112, *3*; Могильников, 1997, рис. 47, *4*, *6*; 50, *1*, *2*; 57; Кирюшин, Фролов, 1998, рис. 6, *5*; 10, *1*, *2*]. Их применение отмечено на всех этапах истории древних кочевников (VII – II вв. до н.э.).

Наконечники стрел (см. рис. 11), найденные в кургане 27, представлены 6 экз. В их числе три бронзовых черешковых трехлопастных и три роговых: один – черешковый, асимметрично-ромбический, два других – втульчатые, трехгранной и пулевидной формы. Столь малое число наконечников также характерно для погребений пазырыкской культуры Алтая (в одном колчане помещалось от 1 до 10 стрел) [Кубарев, 1987, с. 71; 1992, с. 74 – 77; Кочеев, 1987, с. 55 – 60]. Столь же немногочисленны аналогичные находки в памятниках большереченской и каменской культур Верхнего Приобья. В.А. Могильников считает, что “развитие форм наконечников стрел в степных и лесостепных районах Верхнего Приобья и Обь-Иртышского междуречья середины – второй половины

I тыс. до н.э. шло в русле генезиса наконечников стрел саков Казахстана, Средней Азии, а также населения Саяно-Алтая" [1997, с. 55]. С таким выводом следует согласиться, так как комплект разнотипных наконечников стрел из Балык-Соока находит прямые аналогии не только в горно-алтайских памятниках [Руденко, 1960, с. 37 – 38, рис. 17; Кубарев, 1987, рис. 24; Полосьмак, 1994, с. 30; Молодин, 2000, рис. 135], но и в материалах скифоидных культур сопредельных территорий [Смирнов, 1964, рис. 3, *8*, *а*; 35А, *ц*; Грач, 1980, рис. 66, 85, *3*; 86 и т.д.; Кадырбаев, 1984, рис. 1, *36*, *43*; Иванов, 1987, рис. 2, *31*, *32*; 3, *7*, *17*; 8, *8*; Кирюшин, Фролов, 1998, рис. 6, *7 – 9*; Новгородова, 1989, с. 269, 279, 293]. Многие исследователи отмечают сложность датирования погребений по отдельным наконечникам стрел, которые зачастую имеют широкий временной диапазон (VI – III вв. до н.э.) бытования у горно-степных племен Центральной и Средней Азии. Такой же разброс дат характерен и для колчанного набора стрел из погребения в Балык-Сооке.

Серебряная поясная бляха-обойма (см. рис. 12) выделяется массивностью и большими размерами (7,3 × 6,7 см). Она не находит прямых аналогий и может быть отнесена к редкому типу, в котором сочетаются две функции: поясная бляха-обойма боевого пояса (шириной 6 см) имеет прорезь для портупейного ремня в средней части и крючок в нижней. Назначение последней детали не очень понятно. Две прорези в виде запятой (прием, характерный для пазырыкской культурной традиции), а также "фестончатые" края бляхи образуют несложный симметричный орнамент. В нем просматриваются два мотива: протома головы хищной птицы, стилизованной до схематизма, или в другой проекции – роговидный узор. В самом общем виде поясная обойма напоминает небольшие бронзовые или железные бляхи-обоймы (и их деревянные имитации) из курганов древних кочевников Алтая. Они служили для подвешивания оружия (кинжала и чекана) к поясу [Руденко, 1953, табл. XXVII, *1*, *2*, *5*, *11*; 1960, рис. 137, *б*; Кубарев, 1987, рис. 28, *11 – 15*; Полосьмак, 1994, рис. 32]. Ранее уже была подмечена определенная закономерность: на поясах мужчин, погребенных в скифскую эпоху на Алтае, в Туве и Монголии, было только по одной металлической бляхе-обойме [Кубарев, 1991, с. 89; Могильников, 1997, с. 71], тогда как ее деревянные имитации представлены полным набором из трех-четырех блях [Кубарев, 1992, с. 81 – 84; Полосьмак, 1994, рис. 32; 2001, рис. 111; Молодин, 2000, рис. 124]. Такое несоответствие еще предстоит объяснить.

Бронзовое зеркало (см. рис. 13) имеет следующие размеры: диаметр 92 мм, общая длина с ручкой 132, толщина диска 1,5 – 1,8 мм. Лицевая сторона гладкая, зашлифованная; на оборотной стороне гравированное стилизованное изображение птицы с расправленными крыльями, показанными в виде спиралей, завитков и "запятых". Глаз птицы инкрустирован золотой заклепкой. Несколько одинаковых сквозных отверстий (диаметром 0,5 см), просверленных в зеркале (на краю диска и рукояти, одно приходится на ухо фантастической птицы), возможно, служили для золотых вставок или для инкрустации драгоценными камнями, которые не сохранились до наших дней. На обломанной ручке с неразборчивым гравированным изображением какого-то хищного зверя имеются два округлых отверстия, необходимых для привязывания зеркала к поясу. По нашей классификации [Кубарев, 1987, с. 90 – 91] зеркало из Балык-Соока следует отнести к типу 1 (с боковой ручкой в виде барельефной фигурки животного или головы птицы). На оборотной стороне подобных зеркал, широко распространенных у кочевников Евразии в VII – III вв. до н.э., нередко встречаются гравированные и рельефные изображения различных персонажей, выполненных в скифо-сибирском зверином стиле [Kubarev, 1996]*.

Золотая серьга (см. рис. 14, слева) из тонкой проволоки, свернутой в колечко с петелькой на конце, – вполне традиционное украшение древних кочевников Азии в скифскую эпоху. Но уникальной можно назвать покрытую золотой зернью (по три мельчайших шарика с четырех сторон сферы) шаровидную полую подвеску с прикрепленной к ней короткой цепочкой миниатюрной моделью наконечника стрелы. Диаметр серьги 1,2 см, общая длина с подвеской – 5,2 см. Самыми близкими аналогами этого ювелирного изделия являются золотые серьги, найденные в алтайских курганах Юстыда, Кор-Кечу, Малого Гоньбинского кордона, Елунинского могильника [Кирюшин, Фролов, 1998, с. 124, рис. 11, *1*]. Золотые серьги с тремя подвесками были известны скифам и савроматам [Кубарев, 1991, с. 132]. Исследователи единодушны в датировании этой редкой категории личных украшений – VI – IV вв. до н.э. По-видимому, и нашу находку следует отнести к указанному периоду, тем более что в погребении найдена еще одна золотая подвеска от серьги подобного типа (см. рис. 14, справа). Она представляет собой миниатюрную (2,0 × 1,2 см) фигурку хищника семейства кошачьих – широко распространенного образа скифо-сибирского искусства. Однако в декоре серег фигурки животных очень редки. Нам известна только одна находка: золотая серьга с подвеской в виде фигурки горного козла из савроматского кургана у с. Сара [Смирнов, 1964, с. 142 – 143, рис. 35Б, *9*].

---

* Сводную работу В.Д. Кубарева, посвященную зеркалам древних кочевников Алтая предполагается опубликовать в одном из ближайших номеров нашего журнала.

Учитывая малочисленность и сложность изготовления таких ювелирных изделий, можно предположить их импортное происхождение, в частности из ахеменидского Ирана или Средней Азии.

Золотая обкладка полусферической бляхи (см. рис. 15) также представляет собой раритет, не находящий прямых аналогий в огромной серии декоративных предметов из погребений скифской эпохи. Внешним оформлением, формой и отверстием в центре она напоминает железные и деревянные колчанные бляхи, покрытые листовым золотом [Кубарев, 1987, рис. 25, *8*, *9*; Полосьмак, 1994, рис. 20, *6*; 98; Молодин, 2000, рис. 134]. Но большие размеры (диаметр 9,5 см), значительная толщина золотого листа и мелкие отверстия (для пришивания), проделанные по краям, свидетельствуют о другом назначении предмета. Возможно, бляха имела отношение к украшениям головного убора или костюма. А.Д. Грач назвал подобные, отштампованные в золоте бляхи "кокардами", считая их престижным украшением головных уборов саглынских воинов [1980, с. 81, рис. 39, *3*; 68, *1*, *2*]. Однако присутствие этих редких (нам известно 4 экз., включая находку из Балык-Соока) золотых изделий и в женских погребениях [Кубарев, 1991, с. 122 – 123, табл. XXI, *6*] дает основание причислить их к культовым украшениям, а не только к знакам социальной значимости и принадлежности мужчины к воинскому сословию. Подтверждением сказанному служат "вихреобразный" орнамент на алтайской и оттиснутые изображения триквестеров из орлиных голов на тувинских бляхах, интерпретируемые многими археологами как солярные символы. В несложном орнаменте золотого украшения из Балык-Соока также можно рассмотреть рафинированные изображения головок птиц, которые перекликаются с декоративным оформлением наружной стороны поясной бляхи-обоймы и оборотной стороны зеркала из этого же погребения.

Золотая обкладка наконечника гривны (см. рис. 16) сохранила форму деревянной (?) фигурки снежного барса – самого популярного образа алтайского звериного стиля в скифскую эпоху. Парные наконечники металлических гривен в виде деревянных фигурок барсов или только их голов найдены в большом числе погребений пазырыкской культуры, раскопанных в Уландрыке, Юстыде, Барбургазы, на Ак-Алахе и Верх-Кальджине. По размерам (8,3 × 2,5 см), стилю (лежащий хищник с приподнятой головой) и традиции покрывать резные изображения листовым золотом находка из Балык-Соока совершенно идентична упомянутым образцам мелкой пластики. Логично предположить, что и время изготовления этой имитации (V – III вв. до н.э.) синхронно периоду бытования зооморфных наконечников гривен на Восточном Алтае.

Заключение

Анализ погребального обряда и новых материалов из двух алтайских курганов с диагональными захоронениями позволяет сделать основные выводы.

1. На Алтае впервые открыты и исследованы курганы с диагональными погребениями.

2. Ряд предметов из курганов Балык-Соока датируется в широком хронологическом диапазоне. Однако сопоставление немногочисленной, но очень характерной для скифской эпохи серии предметов из диагональных погребений с комплексами находок из синхронных памятников сопредельных территорий Сибири и Центральной Азии позволяет отнести алтайские курганы к V – IV вв. до н.э.

3. Ответить на вопрос, были ли люди, погребенные в Балык-Сооке, савроматами или сарматами, а может быть, носителями приуральской прохоровской культуры, в настоящее время невозможно, но ясно одно, что они в середине I тыс. до н.э. мигрировали в горы Алтая и, вероятно, были ассимилированы носителями пазырыкской культуры. Не исключено также, что в процесс переселения сако-пазырыкского населения на Алтай были вовлечены и небольшие группы савроматов, сохранивших в памяти одну из характерных черт (диагональная ориентация захоронений) погребальной обрядности далекой прародины, локализуемой в Поволжье и Южном Приуралье.

4. Не случаен и тот факт, что курганы 21 и 27 устроены между двумя могильниками пазырыкской культуры, где погребены представители аристократии древнеалтайских кочевников. Судя по размерам насыпей, большой глубине могильных ям и остаткам разграбленного инвентаря, диагональные захоронения также отличались богатством. Может быть, погребенные в этих курганах и на пазырыкских могильниках были связаны какими-то родственными узами? Во всяком случае, курганы с диагональными погребениями дублируют порядок расположения курганов пазырыкской культуры (в один ряд, ориентированный с юга на север и поперек долины р. Урсула). Важным моментом межэтнических контактов являлась ираноязычность мигрантов (европеоидный облик погребенных в Балык-Сооке) и пазырыкского населения скифской эпохи Алтая. На наш взгляд, наличие этих контактов наиболее четко прослеживается по диагональным погребениям Балык-Соока, в материалах которых отражены культурные связи не только с савроматами, сарматами, саками, аборигенными племенами Верхнего Приобья, но и с ранними кочевниками Тувы и Монголии.

5. Поиск курганов с диагональными погребениями в урсульском археологическом микрорайоне следует продолжить. Новые материалы необходимы для выяснения путей савромато-сарматских миграций

на Алтай и роли этих миграций в развитии этнокультурных процессов, происходивших в центре Азии в середине I тыс. до н.э.

Список литературы

Абетеков А.М. О погребении собак в усуньском кургане Чуйской долины // КСИА. – М., 1978. – Вып. 154. – С. 59 – 65.

Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. – 438 с.

Вайнштейн С.И. Раскопки могильника Кокэль в 1962 году // Тр. ТКАЭЭ. – М.; Л.: Наука, 1970. – Вып. 3. – С. 7 – 79.

Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. – М.: Наука, 1991. – 296 с.

Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. – М.: Наука, 1980. – 256 с.

Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. – СПб.: Фонд АзиатИКА, 1995. – Т. 1: Иволгинское городище. – 94 с. + 193 табл. – (Археологические памятники сюнну; Вып. 1).

Дьяконова В.П. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль // Тр. ТКАЭЭ. – М.; Л.: Наука, 1970. – Вып. 3. – С. 80 – 209.

Засецкая И.П. "Диагональные" погребения Нижнего Поволжья и проблема определения их этнической принадлежности // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. – Л.: Аврора, 1974. – Вып. 16. – С. 105 – 121.

Иванов Г.Е. Вооружение племен лесостепного Алтая в раннем железном веке // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 6 – 27.

Кадырбаев М.К. Курганные некрополи р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1984. – С. 84 – 92.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 638 с.

Кирюшин Ю.Ф., Фролов Я.В. Комплекс памятников эпохи раннего железа в районе с. Елунино // Древние поселения Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1998. – С. 110 – 136.

Косарев М.Ф. Человек и живая природа в свете сибирских этнографических и археологических материалов // Некоторые проблемы сибирской археологии – М.: ИА АН СССР, 1988. – С. 84 – 112.

Кочеев В.А. О костяных наконечниках стрел эпохи раннего железа из курганов Горного Алтая // Проблемы истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1987. – С. 55 – 60.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Наука, 1987. – 300 с.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. – Новосибирск: Наука, 1991. – 190 с.

Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. – Новосибирск: Наука, 1992. – 219 с.

Кубарев В.Д. Традиционные приемы и объекты охоты по мотивам наскальных изображений Алтая // Изв. лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2001. – Вып. 7. – С. 155 – 159.

Кубарев В.Д., Журавлева А.Д. Керамическое производство хуннов Алтая // Палеоэкономика Сибири. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 101 – 119.

Кубарев В.Д., Кочеев В.А. Новая серия каменных изваяний Алтая // Археология Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1988. – С. 206 – 222.

Кубарев В.Д., Черемисин Д.В. Волк в искусстве и верованиях кочевников Центральной Азии // Традиционные верования и быт народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 98 – 117.

Кузнецов Н.А. О правомерности использования термина "боевые собаки" по материалам раскопок курганов Южной Сибири // Сибирь в панораме тысячелетий: (Материалы международного симпозиума). – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1998. – С. 299 – 307.

Кузнецов Н.А., Худяков Ю.С. О захоронениях собак на Среднем Енисее по человеческому обряду // Сибирь в панораме тысячелетий: (Материалы международного симпозиума). – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1998. – С. 308 – 315.

Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. – М.: Изд-во МГУ, 1960. – 197 с.

Максимов Е.К. Сарматские диагональные погребения Восточной Европы // Археологический сборник. – Саратов: Б.и., 1966. – С. 98 – 115.

Михайлов Ю.И. Собака в ритуальной практике андроновского населения // Маргулановские чтения, 1990 г. – М.: Изд-во АН Республики Казахстан, 1992. – С. 110 – 116.

Могильников В.А. Диагональные погребения в лесостепном Приобье // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1993. – Ч. 2. – С. 189 – 193.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. – Пущино: ОНТИ ПНЦ РАН, 1997. – 196 с.

Могильников В.А. К характеристике раннего железного века северо-западных предгорий Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1999. – С. 134 – 138.

Могильников В.А., Уманский А.П. Курганы Масляха I по раскопкам 1979 года // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 1992. – С. 69 – 93.

Молодин В.И. Культурно-историческая характеристика погребального комплекса кургана № 3 памятника Верх-Кальджин II // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2000. – С. 86 – 119.

Мошкова М.Г. Савроматские памятники Северо-Восточного Оренбуржья // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. – М.: Наука, 1972. – С. 49 – 78.

Новгородова Э.А. Древняя Монголия. – М.: Наука, 1989. – 384 с.

Новиков А.В. Собаки в мировоззрении и ритуальной практике древнего населения лесостепной и южно-таежной зон Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 1. – С. 72 – 83.

Полосьмак Н.В. "Стерегущие золото грифы" (Ак-алахинские курганы). – Новосибирск: Наука, 1994. – 125 с.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. – 336 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 267 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 360 с.

Смирнов К.Ф. Савроматы. – М.: Наука, 1964. – 380 с.

Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. – М.: Наука, 1984. – 184 с.

Суразаков А.С. Раскопки памятников Курата II и Кор-Кобы I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1990. – С. 56 – 96.

Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Наука, 1979. – 124 с.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 184 с.

Уманский А.П. К вопросу о взаимодействии горных и лесостепных племен Алтая в эпоху раннего железа // Проблемы истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1987. – С. 35 – 54.

Уманский А.П. Раскопки курганов в урочище Раздумье в 1961 году // Алтайский сборник. – Барнаул: Алт. краевед. музей, 1993. – Вып. 17. – С. 83 – 89.

Фролов Я.В., Шамшин А.Б. Могильники раннего железного века фирсовского археологического микрорайона (Фирсово III, XI, XIV) // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1999. – С. 219 – 226.

Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. – Л.: Наука, 1975. – 208 с.

Kubarev V.D. Spiegel asiatischer Nomaden als religionsarchäologische Quelle (Зеркала кочевников Азии как источник по мифологии) // Eurasia antiqua. – Berlin: Verlag Philipp von Zabern – Mainz am Rhein, 1996. – Bd. 2. – S. 319 – 345.

Материал поступил в редколлегию 8.01.02 г.

УДК 903.01/.09

В.А. Краминцев[1], А.Л. Ивлиев[2]
[1]*Научно-производственный центр по охране памятников истории и культуры Хабаровского края*
ул. Калинина, 69а, Хабаровск, 680000, Россия
E-mail: spc@ternovoy.kht.ru
[2]*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН*
ул. Пушкинская, 89, Владивосток, 690600, Россия
E-mail: medarch@mail.primorye.ru

БРОНЗОВЫЕ ЗЕРКАЛА С ПОСЕЛЕНИЯ ПОКРОВКА I

Введение

В 1996 г. при проведении охранных раскопок на территории таможенного перехода через пограничную с КНР р. Уссури у нижней окраины с. Покровка Бикинского р-на Хабаровского края были обнаружены два бронзовых зеркала, одно из которых имело иероглифическую надпись [Краминцев, Ласкин, Киселёв, 1996]. Зеркала находились в комплексе с двумя железными конусовидными подвесками в верхнем слое заполнения большой овальной ямы размерами 2,2 × 1,43 м и глубиной до 0,25 м. На дне выявлено шесть округлых ям, пять из которых располагались рядом друг с другом в южной части ямы, ориентированной длинной осью по линии С–Ю. Заполнение ямы – темно-коричневый суглинок с включениями обмазки, фрагментов керамики и костей животных*

Зеркала, вероятно, следует связывать с каким-то хозяйственно-бытовым объектом – ямой-хранилищем или свайным сооружением. Следы последних во множестве были прослежены поблизости в виде округлых ям от опорных столбов, часть которых располагалась целыми рядами. Вполне возможно, что бронзовые зеркала были положены преднамеренно в качестве оберегов с охранительными функциями, "чтобы силой отражаемого ими солнечного света отпугивать злых духов и тем самым предохранить от порчи запасы продуктов питания" [Шавкунов, Болдин, 1976; Шавкунов, 1981, с. 109]. Наличие конусовидных подвесок, составлявших, как известно, неотъемлемую часть шаманской атрибутики, может свидетельствовать о принадлежности зеркал шаманскому костюму в качестве усилителя магической силы.

Зеркала, безусловно, относятся к числу наиболее ярких и информативных произведений искусства древности. Они позволяют в определенной мере выяснить технологические аспекты бронзолитейного дела, место их изготовления, определить торговые и иные контакты и даже получить какое-то представление об эстетических и религиозных взглядах их создателей, т.к. зеркала не только выполняли бытовые функции, но и связывались с отрицательной или чаще положительной магией (см.: [Стратанович, 1961; Хазанов, 1964; Литвинский, 1964; Васильев, 1970; Шавкунов, 1993]).

Химический состав зеркал

Спектральным анализом установлено, что зеркала отлиты из высокосвинцовистой бронзы с содержанием свинца (более 30%) и олова (более 10%), а также микропримесей. Причем в металле зеркала с надписью примеси сурьмы и железа достигают 1%. Зеркала из оловянно-свинцовых бронз известны с IV в. до н.э. до XVI в н.э. [Конькова, 1989, с. 79]. Однако бронза с таким высоким содержанием свинца и олова зафиксирована впервые. В литературе по литейному делу, относящейся к началу прошлого века, зеркальной бронзой считалась смесь меди и 30%-го олова [Кнаббе, 1901, с. 213]. Такое сочетание, согласно современным исследованиям, ведет к образованию структуры из мелких светлых дендритообразных кри-

* **Ласкин А.Р.** Отчет: Аварийные раскопки на поселении Покровка I в Бикинском районе Хабаровского края в 1996 году. – Архив ИА РАН.

© В.А. Краминцев, А.Л. Ивлиев, 2002